

Вера Николаевна Наимова (Кечуткина):

Мама умерла, когда мне было десять месяцев от роду... Жили вдвоем с отцом – Николаем Матвеевичем Кечуткиным. Уходя на войну, он отдал меня на попечение маминой подруги – Шуры Пыковой и наказал нам уехать подальше от линии фронта. Выбор пал на Таджикистан. Помню, меня поразило, как так тепло – десять месяцев лето, два месяца - тёплая зима. Много фруктов круглый год. У тети Шуры уже было трое детей примерно моего возраста – Славик, Валя и Люда, а муж, как и мой отец, воевал. Вскоре она получила весть о его гибели. Я стала называть её мамой...

В 1943 или 1944 году отец получил ранение, и ему дали отпуск. Он вернулся в Мордовию, и вызвал меня с мамой к себе. Он хотел жениться на какой-то женщине и оставить меня с ней. Помню, как мама Шура везла меня к отцу по городу на фаэтоне – открытой конной повозке с откидным верхом. Его избранница – даже не помню её имени – сразу мне не понравилась. Я чувствовала какой-то подвох. Видимо, она пыталась меня «подкупить» - протянула кулек со сладостями и сказала: «Я буду твоей мамой, если ты будешь так меня называть». Я ответила: «Нет, у меня уже есть мама». И начала за Шурой по пятам ходить, чтобы она меня не оставила и не уехала. А папа уже взял билет на поезд в Сталинабад – столицу Таджикистана.... Один... Я была в отчаянии и устроила такой скандал, что папа – а он меня очень любил – смирился и сказал: «Шура, забирай её с собой. Если я останусь жив, приеду к вам. А если погибну, то Вера одна не останется...».

Голода мы не испытывали: мама трудилась день и ночь, чтобы нас прокормить. Научилась шить мужские рубашки, продавала их на рынке. Рынок был рядом с нашим домом. Таджики днем торговали там фруктами, а вечером оставляли непроданное на прилавках или бросали на землю. Мама проходила по рядам со старенькой детской коляской, поднимала их, перемывала... Собранные фрукты перерабатывались – их варили в огромной кастрюле. Мы ели это варено с хлебом. Кстати, хлеб, как и в России, получали по карточкам. Помню, как вставали в четыре утра, как стояли в огромной очереди...

Однажды, мне было лет шесть-семь, мама отправила нас, детей, к родственникам в соседний посёлок. Он было недалеко, и мы пошли одни. Я при этом отстала. Была осень или зима, мама надела на меня тулупчик с шапочкой и хорошие сапожки. Навстречу толпой шли «ФЗУшники» - учащиеся фабрично-заводского училища, и одна из них, отстав от всех, подошла ко мне и спросила, что случилось. Оценив ситуацию, пообещала мне куклу, а взамен попросила те самые тулупчик и сапожки. Я согласилась. Забрав одежду, она оставила меня на крыльце детского сада, который был неподалёку. Я стала ждать куклу, но обманщица не вернулась. ...К вечеру меня заметила воспитательница. Выслушав мой рассказ, она впустила меня вовнутрь, и одну ночь я провела в детском саду. А наутро отвели в

милицию, здесь я какое-то время жила в казарме. Наконец, домашние меня всё-таки разыскали...

...Отец приехал к нам, как и обещал, - как только закончилась война. Привёз целую шапку медалей и ... отдал играть нам, детям. Мы, конечно, играли – и постепенно всё растеряли, ничего не осталось... Но папа на нас за это не злился: дети, что с ними поделаешь... Сам он никогда не рассказывал о войне, хотя потом я узнала – внуки в архивах через интернет нашли: был разведчиком в артиллерии, дошёл до Берлина, имел награды: медаль «За отвагу», Орден Славы III степени, Орден Отечественной войны II степени. В его наградном листе было написано: «Старший ефрейтор Кечуткин в боях с немецкими захватчиками проявил себя мужественным и отважным воином, способным в любых условиях выполнить поставленную боевую задачу»...